

поэзию, я предпочел бы называть ее эмблематизмом. Живая эмблема явлений - вот предмет моих поисков”.

Фрост всегда острил по поводу своей политической позиции и очень хотел дожить до 1976 года, чтобы быть всего в два раза моложе своей страны. “В юности я никогда не позволял себе быть радикалом из-за боязни в старости стать консерватором”, - афористично написал Фрост. Вскоре он объявил, что “красота социализма в том, что он покончит с индивидуализмом, который вечно кричит: не вмешивайся в чужие дела”. Теренций ответил бы: “Все человеческие дела - мои дела”, и Фрост доказал это в 1962 году, когда приехал в Россию, чтобы лично поговорить с Хрущевым. Он намеревался призвать к гуманности упрямого русского бычка, которым так восхищался. Несмотря на подстрекательски-успокоительное содержание политической пасторали “Обустрой землю”, в конце стихотворения Фрост в доверительной манере полушутя обращается к своему читателю: “Я предлагаю тебе совершить индивидуальную революцию”. Поэзия - великий разрушитель обособленности. Подобно Йейтсу, Фрост начинает изображать пасторальный ландшафт, и образ Америки в его поэзии является пасторальным, но подлинная Америка, живущая в стихах Фроста, так же, как и подлинная Ирландия Йейтса, трагична.

Теперь, по прошествии лет, мы можем проследить путь Фроста от ранних стихотворений, таких, как, например, “К себе” (впоследствии он включил его в свою первую книгу), к откровенным высказываниям о происхождении стихов,